

ДОН НИГРО

АРИАДНА

Дон Нигро Ариадна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49590592

Ариадна:

Аннотация

Монолог. События в Лабиринте глазами Ариадны.

Дон Нигро

Ариадна

Один персонаж, АРИАДНА, девушка, которая обращается к зрителям, находясь на своем острове. Его роль выполняет пустая сцена.

АРИАДНА. Когда я была девчонкой, только мне хватало храбрости углубляться в Лабиринт на несколько поворотов, огибать несколько углов, а потом сердце начинало колотиться так сильно, что я не могла дышать. Приходилось поворачиваться и бежать к выходу. Я была самой смелой из всех детей, живущих во дворце. Мальчишки ненавидели меня за мою храбрость, но, конечно, я была смелой лишь в сравнении с ними. Потом я углублялась в Лабиринт чуть дальше. Какая-то его часть была темной, закрытой сверху, какая-то находилась под открытым небом. Над некоторыми коридорами тянулись виноградные лозы, стены были из кирпича и камня, из земли. Местами это была густая живая изгородь, сквозь которую виднелся другой коридор. Или возникала иллюзия, что ты его видишь. Когда я рассказала все Тезею, он нашел эту информацию очень полезной.

«Это хорошо, – сказал он, – потому что в изгороди можно прорубить лаз, а различие строительных материалов означает, что в Лабиринте есть ориентиры. Ориентиры определяют

твое место в пространстве. Ориентиры складываются в карты, а карты – это путь к выходу из Лабиринта».

Но у меня оставались сомнения. Во-первых, ориентиры эти могли повторяться, то есть могло сложиться впечатление, что в этой части Лабиринта ты уже побывал, когда на самом деле таких мест могло быть пять или шесть сотен.

«Ориентиры могут оказаться ловушкой, – указала я. – Иногда неправильно вычерченная карта сбивает с пути даже сильнее, что отсутствие карты».

Но Тезей, пусть и старался запомнить все, что я ему говорила, моим мнением совершенно не интересовался.

«А что в центре Лабиринта?» – спросил он.

«Естественно, Минотавр, – ответила я. – Это все знают. Получеловек-полубык, рожденный моей матерью от быка, и когда ты его найдешь или он тебя найдет, он тебя сожрет, подведя черту под всеми твоими надеждами и триумфами. Это метафора для жизни, какой ты ее знаешь».

«Метафоры – для мертвых идиотов», – отрезал Тезей.

Чувство юмора у него отсутствовало напрочь. Не знаю почему, но эту его особенность я находила привлекательной.

«Кто построил Лабиринт?» – спросил он.

«Дедал, разумеется», – ответила я, действительно потрясенная его невежеством. Но потом я поняла, что Тезей часто задавал вопросы, ответы на которые уже знал, с тем, чтобы посмотреть, говоришь ли ты правду, или чтобы побудить тебя сказать что-то еще, о чем он не спрашивал.

«Отведи меня к нему, прямо сейчас», – потребовал Тезей.

Ох, уж эти герои. Такие нетерпеливые. В мужчинах мне это нравится. Я пришла в восторг, когда он по какой-то причине выбрал меня своим гидом на Крите. Возможно, доверял мне, спасибо моей молодости и вроде бы невинному виду. Он слышал, я в этом уверена, что все критяне – лжецы, хотя правды в этом не больше, чем лжи, или лжи не больше, чем правды. Но я решила набить себе цену, хотя в этом как раз и не сильна.

«Извини, – говорю, – сегодня я занята».

«Совсем и нет, – покачал головой Тезей. – Ты отведешь меня к Дедалу. По двум причинам. Во-первых, тебе интересно, как я собираюсь убить Минотавра. А во-вторых, я тебе нравлюсь»

«Не уверена, что ты мне нравишься до такой степени, – солгала я. – Но мне интересно».

«Любопытство убило критянку, – усмехнулся Тезей. – Пошли».

И я пошла. Дедала мы нашли в его мастерской, на задворках дворца. Везде бродили кошки и куры, воняло ужасно. Как впрочем, и от самого Дедала.

«Я тебя ждал, – сказал он, с кустистыми бровями, грубым лицом, глазами демона. – Тебя интересует Лабиринт. Я строил его всю жизнь. В самом центре его есть комнаты, о которых я и думать забыл. Ничего полезного я тебе сказать не смогу».

«Мне нужна карта», – объяснил Тезей цель своего прихода.

«Не могу я дать тебе карту, – услышал он в ответ. – Путь по Лабиринту тебе придется искать самому. Если тебе нужна карта, выверчивай ее сам, на ходу».

«По крайней мере, скажи, где лучше войти в Лабиринт».

«Не имеет это никакого значения, – ответил Дедал, держа ежа за хвост и почесывая ему брюшко длинным, желтым ногтем. – Каждый вход не хуже и не лучше любого другого. Войти легко. Проблема – выйти. Если нам везет, мы умираем там же, где и родились, между ног хорошей женщины. А все остальное разве имеет значение?»

Я сразу поняла, что Тезею противен Дедал, как и все рассеянные и безалаберные люди, но при этом он зачарован и самим Дедалом, и всеми этими недостроенными странными механизмами, которые заполняли затянутую паутиной мастерскую, и его способностью принять муки творчества.

«Но шанс выйти из Лабиринта есть, – гнул свое Тезей. – Ты же вышел».

«Вышел? – переспросил Дедал. – Не могу утверждать, что мне удалось покинуть Лабиринт. Говорю это, не кривя душой. И ты сейчас дышишь воздухом Лабиринта. Потому что попадаешь в него, ступив на этот остров».

«Он не любит метафор, – встряла я. – Думает, что они – для мертвых идиотов».

«Я не всегда говорю метафорами, – покачал головой Де-

дал. – Если ты выйдешь из моей мастерской через черный ход, то попадешь в маленький сад, куда часто прихожу я, пытаюсь построить солнечные часы, работающие и ночью, а в глубине сада есть еще одна деревянная дверь. Ведет она в тоннели и коридоры, связывающие дворец с Лабиринтом. Нет на этом острове ничего, что так или иначе не выводит в какой-нибудь проход Лабиринта. Поэтому, дети мои, это вам только кажется, что вы готовитесь войти в Лабиринт. Вы давно уже в нем. И никогда из него не выйдете».

«Я выйду», – возразил Тезей.

«Да, ты можешь отправиться в другое место, – кивнул Дедал. – Мы с сыном однажды попытались. Я построил крылья. Думал, что мы сможем улететь. И крылья поднимали человека в воздух, если использовались правильно. Но мой мальчик решил подняться к самому солнцу, крылья расплавились, он упал в океан и утонул. После этого я поставил свою пару крыльев в сарай, что в саду. Теперь в них гнездятся голуби. Его призрак иногда приходит ко мне, роняя на пол донный ил, напоминая огромную, чудовищную птицу. Он приходит, чтобы напомнить – какая же это глупость, даже думать о том, что отсюда можно убежать. А теперь прошу меня извинить. Я работаю над машиной, которая будет делать мороженое из ушной серы».

И Дедал, волоча ноги, поплелся по темному коридору, уставленному незаконченными скульптурами, устройствами для взбивания яиц, корзинами с вонючими черепащими

панцирями.

«Рехнувшийся старый пердун», – прокомментировал Тезей, когда мы вышли из мастерской Дедала.

Конечно же, он грешил против истины, и мой давний друг Дедал таким не был, но к тому времени я так сильно влюбилась в Тезея, что поверила бы ему, скажи он, что Луна сделана из старых костей. Да, какая-то часть моего разума подавала сигналы тревоги, но на эту часть не обращаешь ровно никакого внимания, если безумно влюблена.

Тезей вдруг объявил, что у него дела, начал уходить, вернулся и поцеловал меня на прощание. Я чуть не умерла. А он ушел до того, как я очухалась. И меня еще окутывал любовный дурман, когда я осознала, что рядом стоит моя мать, которая, возможно, все видела. Но меня это совершенно не волновало: влюбленность застилала глаза.

«Я знаю, ты хочешь этого мужчину, Ариадна, – сказала она. – Но твоим ему не быть, потому что его разорвет на части и сожрет твой единоутробный брат».

«Разве мы не можем уговорить папулю заменить его кем-нибудь?» – спросила я.

«И кто, по-твоему, захочет занять его место? – любопытствовала она. – Глупцов среди критян нет».

«Но почему должно быть четырнадцать человек?» – искала я выход.

«Тринадцать – плохое число».

«Почему вообще кто-то должен туда идти?»

«Ариадна, – одернула меня мать, – если мы начнем руководствоваться здравым смыслом, цивилизация Крита, какой мы ее знаем, рухнет».

«Ты думала о цивилизации Крита, когда залезала в деревянную корову, чтобы бык смог тебя обрухатить?»

«Нет, – ответила мать, – я думала о другом. Где бы найти такого же самца, сосредоточенного только на одном, но без копыт и не пускающего слюни».

«Мама, как ты могла это сделать?»

«Да какая разница, – ответила мать, – кого любить, грека, уроженца Крита, египтянина или домашнее животное? Я серьезно. Любовь – она и есть любовь».

«Но это ужасно», – воскликнула я.

«Любовь ужасна», – согласилась она.

«Твоя любовь – да».

«Ты можешь думать что угодно о моей любовной жизни, – заявила мать, – но не должна влюбляться в этого грека. Я такого просто не допущу. У меня разобьется сердце. Почему ты просто не можешь найти себе хорошего критянского юношу?»

«Не хочу я выходить за местного. Я люблю Тезея и собираюсь с ним переспать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.